

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ

В конце 20-х — начале 30-х годов, в бытность мою московским студентом, доводилось мне не раз видеть и слышать Александра Александровича Фадеева. Фадеев той поры запомнился очень мужественным, высоким, стройным. Появлялся он обычно в темносиней черкесской рубашке, подпоясанной тонким с серебряными бляшками ремешком, в брюках-галифе, шевровых сапогах, плотно облежавших его длинные ноги. Каштановые волосы, голубоватые глаза, правильный, без горбинки нос...

Тогда А. Фадеев, можно сказать, был восходящей звездой в пролетарской литературе, а его роман «Разгром» по праву считался знаменем советской прозы, образцом того, как надо писать о героях современности. Вслед за Фурмановым он рисовал их простыми смертными людьми, глубоко проникая в их внутренний мир. Так, Левинсон у него «маленький, неказистый на вид», но тем не менее человек героический, сильный духом, хотя временами подвержен колебаниям и сомнениям, что, однако, скрывал от других.

В те годы мы, студенты, да и все читатели, были в восторге от фадеевского «Разгрома», ставили его в ряд с выдающимися произведениями современности. Восторгалась мы и незаурядной биографией писателя, которую знали назубок. Знали, что еще в отрочестве, до Октября, будущий писатель приобщился к революционной борьбе. Семнадцати лет стал большевиком. Партизаном отважно воевал против колачковых и японских интервентов на Дальнем Востоке, где был тяжело ранен. Под конец войны командовал партизанской бригадой, будучи другом и соратником легендарного Сергея Лазо, сожженного японцами в топке паровоза.

Делегат X съезда партии А. Фадеев участвовал в штурме Кронштадтской крепости, захваченной белогвардейскими мятежниками. Второй раз был тяжело ранен.

И когда мы думали о боевой юности писателя, становилось понятно, что ему было о чем поведать миру. И Фадеев поведал, написав «Разгром», овеянный пафосом пережитой гражданской войны. Поведал мастерски, правдиво, с ясных и четких позиций социалистического реализма.

Но он был не только талантливым писателем, но и замечательным публицистом-оратором. Читая его статьи или слушая речи, мы всегда восхищались их блеском и глубиной. Вспоминаю его доклад в

НА СНИМКЕ: А. А. Фадеев.

Фотохроника ТАСС.

Колонном зале Дома Союзов на встрече с комсомольцами Москвы, куда я попал как активист кампании по призыву ударников в литературу (была и такая кампания). В ожидании любимого писателя зал потихоньку переговаривался, но как только он появился на сцене, взорвался аплодисментами, а вслед за тем, когда Фадеев поднялся на трибуну, — весь превратился в слух. С тех пор прошло более 50 лет, и я забыл, как формулировалась тема доклада, но хорошо помню, что речь шла о молодом литературном герое нашего времени. Фадеев говорил о том, что пока еще бледно выглядит этот герой и что писателям давно пора оздать его таким, чтобы по силе художественного изображения он был бы на уровне или даже выше бальзаковского Растиньяка или лермонтовского Печорина, став заразительным примером для подражания.

Докладчик ни словом не обмолвился, что таким примером для молодежи уже тогда служил его Метелица, образ юного партизана-разведчика.

Схватенный белоказаками, он держался на допросе с удивительной стойкостью, а перед казнию на сельской площади, избитый до полусмерти, собрав последние силы, бросился на палача-офицера.

Это был прекрасный доклад. Писатель выступал так раскованно и свободно, так пламенно, что, казалось, прикажи он, и все как один сию же минуту пойдут за ним на жизнь и на смерть. Все в нем выдавало комиссара, каким он был в гражданскую войну и каким остался до конца своей жизни — как в общественной деятельности, так и в творчестве, полном огня. Комиссарский дух, негасимая партийность, глубокое проникновение в души изображаемых героев, проявившееся уже в «Разгrome», пашли свое дальнейшее и еще более полное воплощение в его новых романах «Последний из Удэге» и «Молодая гвардия».

Как писатель, он был романтиком, разумеется, на позициях социалистического реализма. Если в композиции своих произведений, в показе внутреннего мира их

персонажей он шел от Л. Толстого, то в изображении героики — от раннего Горького, от его революционного романтизма, так ярко выраженного в его рассказе «Старуха Изергиль». И когда мы видим Левинсона, спасающего партизана с зажженным факелом в руках, мы невольно вспоминаем Данко, в темном лесу освещающего путь народу пламенем своего горящего сердца.

Сам Фадеев признавал, что его «Разгром» несет в себе очень значительные элементы романтики и что основные его литературные герои «более близки к горьковским образам, чем к толстовским». Подобно Горькому, безумству храбрых пел он песню, только уже героям борьбы за власть Советов.

Подлинно живыми людьми обрисованы у него большевики Левинсон в «Разгrome», Алеша Маленький и Петр Сурков в «Последнем из Удэге», Иван Проценко и Филипп Лютиков в «Молодой гвардии». В тех же произведениях с неменьшей художественной силой и также по-настоящему живыми изображены молодые патриоты, особенно краснодонцы. И не случайно М. Шолохов писал: «Пожалуй, как никто из нас — прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» в полную меру открылась эта черта его большого таланта».

В Кошевом и других молодогвардейцах читатель как бы заново увидел Павку Корчагина, на кого они старались походить и стали такими же бесстрашными. Какое же это убедительное свидетельство о силе влияния литературы на подрастающее поколение!

Видеть героическое начало и не только на войне, но и в трудовых буднях, избегая приземления активного героя, и, если братья за тему подвига и героизма, то освещать ее без шаблона, с высоким реалистическим мастерством, с гражданским пафосом, в духе революционной романтики и социального оптимизма — вот к чему призывает творческое наследие Александра Фадеева.

И когда я пишу газетный очерк, воспоминания о пережитом или пьесу, я всегда имею в виду эти уроки. И в таких случаях передо мной непременно встает живой облик самого Александра Александровича Фадеева, боевого комиссара в жизни и в творчестве, каким я его видел и слышал в пору своей юности.

Ю. СКОБЛИН.

«СОВЕТСКОЕ ЗАРУБЬЕ»
 г. Нуоган
 29 ДЕК 1987